

18+

Владислав Терещенко

СУДАРЬ

БЛАГИЕ НАМЕРЕНИЯ

Владислав Терещенко

Сударь Благие Намерения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56344979

ISBN 9785005107572

Аннотация

Середина 19-го века, Россия. Чтобы защитить своего брата, Сергей Лисицин вместо него принимает вызов на дуэль. После ранения ему пришлось уволиться из полка и отправиться в русскую Америку. Из-за своего вспыльчивого характера и интриг бывшего противника по дуэли его высаживают на дикий берег Охотского моря. Там предстоит выжить, найти друзей, столкнуться с пиратами, а вернувшись в столицу, вновь со шпагой в руке встретиться лицом к лицу со своим врагом.

Содержание

1. Усадьба Казинцевых, утро	5
2. Инцидент на балу	11
3. Пара писем	18
4. Встреча с Михаилом	22
5. Вечер в кают-компании	25
6. Утро на палубе	30
7. Поселение Лазарев	35
8. Неприятный разговор	37
9. Встреча с Гоушеном	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Сударь Благие Намерения

Владислав Терещенко

© Владислав Терещенко, 2020

ISBN 978-5-0051-0757-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Усадьба Казинцевых, утро

Опрятно одетый белобрысый мальчишка лет десяти сидел на скамейке во дворе усадьбы перед входом в дом и болтал ногами, щурясь от яркого летнего солнца. Периодически он отмахивался от комаров, которые летели с соседнего болота.

Дворник Кузьма, поднимая облака пыли, мел двор. Он носил бороду, был космат и что-то постоянно бурчал себе под нос.

Сергей Лисицин, так звали парнишку, уже минут двадцать наблюдал за косматым дворником, ожидая своего двоюродного брата Михаила Казинцева – сына хозяев усадьбы.

После гибели отца на войне с турками 1828 – 1829 годов и смерти матери от внезапной болезни Сергей остался сиротой. Небольшое имение его мать успела продать. Из-за неудачного ведения хозяйства образовался долг, который отдать, кроме как продав имение, не было возможности. И она вместе с сыном переехала к родной сестре – Екатерине Анатольевне, по мужу Казинцевой.

Сергей, к радости Михаила, так и остался жить у них в имении. Екатерина Анатольевна с мужем воспитывали его, как собственного сына. Ребята сдружились. Они все время проводили вместе.

На пороге дома, наконец, появился Михаил. Внешне он был прямой противоположностью Сергея. Темные воло-

сы, карие глаза, которые беспрестанно блестели озорством. И хоть он чуть ниже своего двоюродного брата, но гораздо подвижнее. Однако характер у них был схож. Оба вспыльчивы, но и легки на подъем. Несмотря на бесконечные споры, в которых никто не хотел уступать, они все же надолго не обижались друг на друга. А уж про ссоры и говорить нечего. Они могли начать толкаться и даже бороться, но через пару минут вместе уже бежали в сад рвать зеленые яблоки.

Михаил быстро сбежал по лестнице и подошел к Сергею. В руке он держал надкусанное яблоко.

– Что делаешь? – спросил он.

– Ничего. Скучно. Может, что-нибудь выдумаем? – шурясь на солнце, предложил Сергей.

Михаил молча пожал плечами и, откусив яблоко, сел рядом. И они оба принялись наблюдать за дворником.

Было слышно, как тот ворчал:

– Ёшки-матрёшки! Только-только ведь подмел. Опять намусорили. Что за люди?

Михаил подмигнул Сергею:

– Смотри!

Он выждал момент, когда дворник стоял к ним спиной, размахнулся и бросил в него яблоком. Яблоко попало тому в плечо.

Тот перестал мести и недовольно проговорил:

– Что еще?

Ребята тихонько хихикнули.

Услышав это, дворник повернулся в их сторону и пристально посмотрел из-под густых бровей на братьев. Они сделали вид, будто ни при чем. Михаил повернул голову в сторону, словно увидел там что-то особо интересное, а Сергей, пытаясь скрыть улыбку, смотрел себе под ноги.

Дворник погладил бороду, не сводя глаз с ребят, а потом сделал шаг в их сторону, топнув ногой. Так, шутливо, как будто – я вам покажу!

Мальчишки соскочили с лавки и кинулись в дом, громко смеясь. Но в этот момент из дверей показалась хозяйка – Екатерина Анатольевна. Она расставила в стороны руки и поймала сорванцов.

– А ну, постойте! – строго сказала она.

Дворник, увидев хозяйку, повернулся спиной, наклонился, незаметно поднял яблоко, положил его себе в карман и продолжил мести двор.

– Да, тетя?

– Что, матушка? – в один голос спросили ребята.

– Кто из вас, сорванцов, в дворника Кузьму яблоком бросил?

Екатерина Анатольевна посмотрела строго на Михаила, потом перевела взгляд на Сергея.

– Я не бросал, – проговорил тот.

Она вновь перевела взгляд на Михаила.

Тот пожал плечами.

– Не знаю, матушка, – соврал он, глядя себе под ноги.

– А я ведь в окошко-то все видела. Лгать, Миша, низко. Дворник мел двор, но незаметно прислушивался к беседе.

– Итак, зачем же ты, Мишенька, надкусанным яблоком бросил в дворника Кузьму? – продолжала она отчитывать сына. – Поступок некрасивый и недостойный.

– Красивый, некрасивый, – вызывающе заговорил тот. – А чего он бурчит? Нечесанный весь, как леший. Одно слово – холоп!

– А хоть и так, однако человек он. И в кого ты такой?

– В отца, – не сомневаясь, выпалил Михаил.

– Не путай строгость отца с неуважением. А вот, к примеру, ждановский мальчишка, как его звали? Тот самый, который на рыбалке утонул в прошлом году.

– Еремка, – подсказал Сергей.

– Еремка, – повторила она. – Он был ваш друг? – обратилась к обоим мальчикам.

– Да, тетя, – кивнул Сергей.

– А все одно – холоп, – настаивал Михаил.

– Не холоп он, Миша, – проговорил Сергей, глядя на брата.

– А кто ж? Крестьянский сын, стало быть – холоп.

– Он был наш друг.

– Да ладно тебе, Сережа! Заладил! – и Михаил толкнул Сергея в плечо.

– А вот и не ладно. Сам заладил! – не остался в долгу тот и толкнул двумя руками Михаила в грудь.

Тот подскочил к Сергею и обхватил его за шею, намереваясь повалить на землю.

– А я вот вам сейчас, – Екатерина Анатольевна схватила сорванцов за уши и развела в стороны.

– Ой, матушка! – притворно и слащаво заговорил Михаил, морщась от боли. – Тебе на лицо комарик присел.

Екатерина Анатольевна отпустила уши ребят и стала отмахиваться от комара.

– Бежим, – крикнул Михаил и кинулся прочь со двора.

Сергей было припустил за ним, но остановился.

– Тетя, – начал он как-то нерешительно, но замолк.

– Чего стоишь? Беги уж следом, – перебила его Екатерина Анатольевна. «Извиниться, наверно, хотел, – подумала она. – Хороший паренек растет. Мише бы у него поучиться».

Сергей в этот момент рванул за Михаилом.

Пробегая мимо дворника, он весело закричал:

– Ох, ёшки-матрёшки!

Тот перестал мести. Покачал головой и неодобрительно зацокал языком.

– Башибузуки форменные! – проговорила Екатерина Анатольевна. – Сережа, не забудь, что завтра на могилу твоей матери пойдем. Годовщина ведь! – прокричала она.

– Хорошо, тетя, – послышался удаляющийся голос.

– Мальчишки, – со вздохом проговорила Екатерина Анатольевна. – Наступят еще времена, когда жизнь будет сполна с них спрашивать за самые незначительные проделки.

Она повернулась и вошла в дом.

2. Инцидент на балу

Бальный зал хорошо освещался. Беспреданно играла музыка. Посреди зала танцевали пары. Те, кто не участвовал в танцах, стояли по краям группами – юноши отдельно, девушки отдельно. Иногда кто-то из юношей подходил к девушке, чтобы пригласить на танец. У всех неприглашенных в глазах вспыхивал огонек зависти. Но высказывание зависти – это моветон. И поэтому девушки сразу начинали разговаривать на какие-то другие темы, про каких-то других людей.

– Мне он танец обещал, – проговорила одна из девушек своим подругам, явно продолжая разговор.

– Кто из них? – спросила вторая.

Первая девушка заулыбалась и проговорила:

– Лисицин который.

На что вторая девушка сказала:

– А мне больше его кузен Михаил нравится.

Тут к разговору подключилась третья подружка и повела им, конечно, по большому секрету вполголоса:

– Поговаривают, что у Михаила адюльтер с супругой полкового адъютанта Гуревича.

Девушки захихикали. Потом, опомнившись – где наше воспитание, заахали.

Вторая девушка кивнула в сторону входа в зал:

– А вот и они. Красавцы оба.

– Да, да, – закивали головами другие девушки.

В зал вошли Сергей с Михаилом. Сергей в форме гусарского полка, а Михаил в светской одежде. Они остановились, оглядывая зал с видом полководцев перед битвой.

Михаил остановил взгляд на группе девушек.

– Вон, глянь! – проговорил он. – Юные дочери Афродиты.

И он слегка поклонился им. Следом поклонился Сергей.

Проговорил игриво, так, чтоб никто, кроме них, не слышал:

– Ох...

И они разом с братом закончили фразу:

– Ёшки-матрёшки!

И тут же засмеялись.

Вдруг Михаил заметил кого-то среди присутствующих.

Лицо его сразу стало заинтересованным.

– Серёжа, я оставлю тебя.

Тот кивнул и тихо со смехом проговорил:

– Надеюсь, когда-нибудь она станет вдовой.

Михаил ушел, а Сергей направился к группе молодых девушек, пытаясь вспомнить, кому же из них он обещал танец.

Яркий свет луны освещал дорожки и кусты парка, куда не долетал свет от окон бального зала. Но негромкая музыка сюда доносилась, создавая особую романтическую атмосферу. Спустившись по лестнице, Михаил и Анна, супруга Гуревича, остановились. Михаил, убедившись, что никого рядом нет, заговорил страстным шепотом:

– Сударыня, мне кажется, я ждал это мгновение всю жизнь.

Он взял ее руку и стал осыпать поцелуями. Анна остановила его, убрала руку и с улыбкой проговорила:

– Вы такой страстный, что от вас даже жар исходит.

– Я сгораю от любви, – глядя ей в глаза, проговорил Михаил. – Погасите мой огонь поцелуем. Умоляю вас!

– Вы меня толкаете на преступление, – несколько игриво проговорила она. – Я замужем. Вы меня компрометируете, – голос ее зазвучал слабым шепотом. – Но не могу устоять перед вашими мольбами, – она закрыла глаза, давая понять, что готова ко всему.

Михаил тут же этим воспользовался и страстно прильнул к ее губам.

В этот самый момент на лестнице появился муж Анны – полковой адъютант Гуревич. Зная наклонности своей супруги принимать попытки ухаживания местных молодых людей, он старался вовремя это пресекать. Но в этот раз он заигрался с офицерами в вист и проворонил исчезновение своей второй половины. Надеясь все же, что слухи об ее адюльтере неправда, он бросился ее искать. И честно признаться, был на взводе от такого поведения – взяла и просто исчезла. Обойдя зал, он вышел в парк. Услышав какие-то голоса внизу, Гуревич тихо подошел к лестнице и остановился на верхней ступеньке. Внизу увидел целующуюся парочку и хотел уже уйти, как в женщине узнал свою супругу. Вне

себя от ярости он кинулся вниз, крича на ходу:

– Что здесь происходит, сударыня?

Анна вскрикнула.

Подскочивший к ним Гуревич попытался схватить Михаила, но ухватился только за перчатку, которую тот держал.

Испуганный Михаил бросился бежать и скрылся в кустах.

Гуревич посмотрел на перчатку юноши, потом на свою жену и, схватив ее за руку, молча потащил вверх по лестнице.

В бальном зале веселье продолжалось – играла музыка и танцевали пары.

Сергей с Михаилом стояли в стороне от всех присутствующих и тихо разговаривали.

– Сережа, он убьет меня, – нервно говорил Михаил озираясь. Его губы дрожали. В глазах был страх.

Сергей, так же осматривая зал, пытался успокоить кузена:

– С чего ты взял?

– С того, что я в дерево с двух метров попасть не могу.

А у адъютанта уже несколько поединков на счету. Из которых он вышел победителем. Так говорят! А ситуация явно тянет на дуэль.

– Говорят... Он видел твое лицо?

– У него моя перчатка, – Михаил показал единственную оставшуюся. – Что делать? – казалось, он сейчас расплачется. – Что делать?

Сергей увидел входящего в зал Гуревича с супругой.

– Возьми мои перчатки, а мне давай свою, – быстро проговорил он. Они обменялись.

Гуревич, увидев братьев, направился к ним. Он буквально тащил за руку супругу. По лицу было понятно, что ей больно и неприятно. Она говорила негромко, но зло, как бы шипя:

– Оставь меня! Позоришь нас обоих. Отпусти, мне больно!

Гуревич шел, не обращая внимания на ее просьбы.

Подойдя к братьям, адъютант обратился к Михаилу:

– Мерзавец! – одновременно он бросил в Михаила отобранную у него ранее перчатку.

Перчатку поймал Сергей.

– О! Адъютант, спасибо! А я-то думаю, где я ее обронил? – издевательски заговорил он. – Отчего ж вы себя мерзавцем-то называете? Вы – герой! Я ж без перчатки, как без руки.

Гуревич на секунду от такой наглости оцепенел и стоял с открытым ртом. Краем глаза он заметил, что окружающие свидетели этой сцены притихли и ждали развязки. Оркестр играл какой-то веселый танец. Из-за этого вся ситуация приобретала курьезно-издевательский оттенок. Гуревич был готов броситься душить этого шута и его братца, из-за которых он оказался в такой неприличной ситуации. Однако же сдержался. Он злобно впился глазами в Сергея. Но окончательно потерять лицо было недопустимо. Он твердо произнес:

– Не фиглярствуйте, корнет! Это не вам предназначалось,

а вот тому мерзавцу, который прячется за вашей спиной.

Сергей сделал театрально удивленное лицо и потребовал:

– Объяснитесь, Гуревич!

Адъютант наконец отпустил руку своей жены. И та сразу скрылась, проскользнув среди обступивших их любопытных и жадных до скандалов и сплетен людей.

– Прекратите! – рявкнул Гуревич. Потом подошел почти вплотную к Сергею и проговорил несколько неуверенно, стыдясь и надеясь, что окружающие его не услышат: – Будто вы не знаете. Он вздумал волочиться за моей женой.

Сергей, явно провоцируя адъютанта, продолжал говорить развязным, насмешливым тоном:

– Благочестивее и благороднее моего кузена я еще не встречал человека. Вы лжете. Да и перчатка моя. А ваша супруга не вызывает у меня особых симпатий. Простите за прямоту.

Это было уже чересчур. Гуревич с ненавистью проговорил:

– Благие намерения, сударь-дурак? – делая акцент на последнем слове. – Это был он. Я знаю. Но убью я вас. Потому что вы его покрываете. А потом вызову на дуэль его. И тоже убью, – он посмотрел на Михаила, который выглядывал из-за плеча Сергея, но, встретившись взглядом с Гуревичем, сразу спрятался за спину брата.

Сергей, пытаясь защитить Михаила, сделал все, чтобы переключить внимание на себя. И ему это удалось. Он с ух-

мылкой произнес:

– Посмотрим еще. Жду ваших секундантов.

Гуревич резко развернулся и пошел к выходу. Присутствующие перед ним расступались. «Надо отдать должное, – подумал Сергей, глядя на удаляющуюся фигуру, – выправка у него что надо, военная. Говорят, фехтует и стреляет хорошо».

***

Раннее-раннее утро... Ветер порывами то и дело пробегал по высокой траве. Отчего она напоминала легкую рябь волн на воде. Сергей стоял посреди тумана, исчезающего под лучами рассветного солнца, с пистолетом в руке. Он поднял голову вверх и посмотрел на раскачивающиеся верхушки деревьев. «Боже, какое замечательное утро! Как птицы поют! – думал он. – Должно быть, солнцу радуются». От мыслей его отвлек голос. Он, как кнут пастуха, рассек воздух: «Примирение невозможно».

И будто услышав это, резкий порыв ветра всколыхнул верхушки деревьев. Не чувствуя ни рук, ни ног от волнения, Сергей поднял пистолет и направил в сторону противника. Увидел, как тот уверенно целился в него. Раздались почти одновременно два пистолетных выстрела.

3. Пара писем

Сергей открыл глаза. Занавески задернуты. В комнате полумрак. В голове какой-то шум, будто шуршание шелка. Очертания предметов какие-то нерезкие, но постепенно стали проясняться.

Он попытался приподняться, однако слабость и резкая боль в груди заставили его лечь. Вырвался произвольный стон.

В комнату с кувшином воды и какими-то тряпицами вошла хозяйка – Мария Филипповна Федошина, у которой Сергей снимал комнату. Она среднего роста, далеко за пятьдесят, опрятно одета, но как-то во все черно-серое.

– Очнулись никак? – прямо с порога заговорила она. – Ну, слава Создателю! По правде сказать, сударь, думала, что век ваш завершился и вы покинете этот мир, так и не придя в память. Думала, придется священника звать. Ан нет, глянь-ка... Вы уж лучше лежите пока. Не двигайтесь. Сейчас за доктором отправлю.

Она подошла к столику рядом с кроватью и поставила на него кувшин.

– Что ж вам, молодым, так не терпится на тот свет улизнуть? – с упреком проговорила Мария Филипповна, вытирая влажной салфеткой пот со лба Сергея. – Вот мой муж – капитан Федошин – погиб за свое Отечество. Упокой, Гос-

подь, его душу. – Она перекрестилась, повернувшись к углу с иконами.

– Достойный был человек. А молодежь нынче совсем безответственная. Вот взять вас, – продолжала она. – Отдали бы Богу душу, пришлось бы нового постояльца искать. Да и хорони вас. Хорошо, что ваш брат денег оставил и за жильё заплатил вперед.

– Миша? Как он? – выдавил из себя Сергей.

– Очаровательный юноша. Передал вам письмо. Каждый день захаживал. Я только его и пускала, так как доктор сказал, что вам покой нужен.

Вдруг встала руки в боки и гордо заявила:

– Тут ваши сослуживцы приходили. Один даже пытался силой прорваться, но не тут-то было. Вдову капитана Федошина так просто приступом не возьмешь.

Присела на кровать и проговорила уже обычным тоном:

– А недавно серьезный такой прапорщик послание принес. Но что там, не читала. – И добавила, снова вставая: – А брат-то ваш уехал.

– Уехал?

– В эту... Как ее... – Мария Филипповна пыталась вспомнить. – Кляксу, Аяксу... – махнула рукой. – Какой-то Богом забытый край Земли.

– Аляску? – спросил Сергей. – У Земли нет края. Путешественники доказали.

Федошина вдруг перекрестилась и испуганно проговори-

ла:

– Это куда же он делся, край-то? Не пугайте старуху.

Повернулась и пошла к выходу.

– Пойду за доктором пошлю. Скажу, что вы очнулись.

Мария Филипповна вышла из комнаты.

Сергей увидел на столике у кровати два конверта. Протянул руку и, преодолевая боль, взял верхний. Это письмо от Михаила.

«...А посему вынужден отправиться в русскую Аляску по государственным делам. Да и от греха подальше. Черт меня дернул связаться с женой Гуревича. Все мысль не покидает: когда же он придет меня убивать? Оставляю тебя на попечении Федошиной и врача – немца Шуппе. Молюсь о твоём выздоровлении. И благодарен тебе за все. Твой кузен Михаил».

Сергей взял второй конверт. Тот, как и первый, оказался вскрыт. «Не читала, говорит», – подумал он.

Второе письмо было официальным:

«... В связи с произошедшим... Запрещены... В Ваших услугах не нуждается... Прибыть в канцелярию за документами и расчетом... Поскольку Вы – лицо пострадавшее, то против Вас дело не возбуждалось. Вашего же противника по дуэли, ротмистра Гуревича, отправили служить волей Государя на Дальний Восток.

Командующий лейб-гвардии Гродненским гусарским полком генерал-майор князь Багратион-Имеретинский

Дмитрий Георгиевич».

Сергей опустил руку с письмом на кровать и закрыл глаза.

4. Встреча с Михаилом

Выздоровев после ранения, Сергей осознал, что у него, по сути, нет никакого дохода, поскольку полк ему пришлось покинуть. Имея достаточно хорошее образование, которое получил благодаря Казинцевым, он нашел место в горном ведомстве. Хоть Екатерина Анатольевна с мужем и считали его своим сыном, но возвращаться к ним в усадьбу после всего случившегося было неловко. И Сергей рассудил, что работа чиновником не мечта, конечно, но жалованье приносит.

Был уже вечер, когда он возвращался со службы домой. Сергей смирился со своим синим сюртуком и его высоким стоячим черным бархатным воротником – мундир ведомства. Даже то, что к мундиру полагалась шпага с серебряным темляком, особого оптимизма не внушало. Чиновник! Не об этом он мечтал. Ну, да чего уж теперь. Можно сказать, повезло. При жаловании. Его бывший командир – князь Имеретинский посодействовал. Человек он был не злой, своих подчиненных уважал. Если бы к дуэлям в государстве относились по-другому, то вообще бы закрыл на поединок глаза. Во все времена молодежь друг друга резала и стрелялась из-за любви или чести. Чертов Гуревич с его неверной женой. Ладно, хоть Мишу спас от этого семейства вурдалаков.

Подойдя к дому, он потянул за влажную от моросящего дождя ручку входной двери и вошел в плохо освещенную

прихожую.

Из комнаты первого этажа появилась Федошина.

– А к вам гости, – немного загадочно проговорила она.

– Кто? – равнодушно спросил Сергей, отряхивая рукой мелкие капли с плеча.

– Просили не говорить, – с легкой улыбкой сказала капитанша. – Сюрприз.

Сергей поднялся по лестнице и вошел в комнату. Там, развалившись на стуле, сидел Михаил и читал одну из книг, которые в несколько стопок лежали на столе.

– Миша! – удивленно, но радостно почти выкрикнул Сергей. – Ёшки-матрёшки!

Михаил встал и развел руки в стороны.

– Здорово, брат!

Они бросились друг к другу в объятия.

Потом Сергей спустился к Федошиной и взял у нее в долг бутылку вина.

– Надолго? – спросил Сергей, разливая по стаканам темно-красную жидкость.

– На три дня. Разгрузка, погрузка и обратно. А ты, я вижу, уже выздоровел? Рад за тебя!

– На здоровье не жалуюсь. А в остальном... – Сергей показал на себя и развел руки в стороны, мол, смотри сам.

– Чиновник, никак?

– Сижу, бумажки перекладываю. Делов-то... Главное, штаны не просидеть.

– А ты все хотел в гусарском мундире, на коне перед девицами щеголять? – пошутил Михаил.

– Хотел, – так же шутливо ответил Сергей. – Ну, в деле щегольства за тобой не угонишься.

Михаил вздохнул:

– Там, где я сейчас, щегольство не в чести.

Повисла пауза.

– А ведь изначально ты инженер, математик по образованию? – прервал вопросом молчание Михаил. – Нам там инженеры страсть как нужны.

– Предлагаешь с тобой?

– Со мной не успеешь. С делами рассчитаться за два дня не получится, а так на Аляске ты бы пригодился.

Пока разговаривали, за окном стемнело, и комната погрузилась во мрак.

– Надо подумать, – и Сергей задумчиво поставил стакан с вином на стол.

5. Вечер в кают-компании

В XIX веке плавание из Кронштадта в русскую Америку до Ново-Архангельска, который был практически столицей тех земель, занимало около полугода. И называлось в обиходе «плаванием через четыре океана» – Северный Ледовитый, хотя, по сути, через него проходили только суда из Архангельска, Атлантический, Индийский и Тихий. Заходы в порты разных стран для пополнения провизии и воды были событиями радостными, но редкими. Поэтому для морских офицеров и состоятельных пассажиров кают-компания была местом, где они коротали долгие дни путешествия. Собственно, у офицеров всегда было чем заняться в течение дня. Освобождались они только к вечеру. Ну, хоть так. Нет ничего тягостнее скуки в пути. Каждый находил для себя всевозможные занятия. Но самым желанным было общение. Офицеры и мичманы курили трубки, хвастая табаком из того или иного порта, играли в карты и пили вино, обсуждая женщин, если таковых не было среди пассажиров – гостей кают-компании.

«Святой Андрей Первозванный», рассекая волны, уже практически прошел через Атлантику и Индийский океан. Сергей сдружился со многими офицерами. Как бывший военный, он прекрасно понимал их юмор, сам знал множество забавных историй, поэтому всегда был желанным го-

стем в кают-компании. К тому же он исполнял под гитару несколько неплохих романсов. Особенно часто его просили спеть на стихи Баратынского:

Были бури, непогоды,
Да молодые были годы!
В день ненастный, час гнетучий
Грудь подымет вздох могучий...

И он это делал всегда охотно. Как и сейчас. Несколько голосов ему подпевали, а когда он закончил, все зааплодировали и, даже кто-то крикнул: «Браво!» Впрочем, это кричали практически всем. Роман Сильвестрович Роговский – капитан корабля, заслуженный моряк, уже в летах, был сентиментален, даже незаметно утер слезу. Возможно, вспомнил свою юность и начало морской карьеры. Атмосфера была очень доброжелательная.

Сергей отложил гитару и поднял бокал с вином.
– Господа, тост!

Все присутствующие с радостью подняли бокалы. В кают-компании повисла тишина.

– Когда-нибудь мое плавание через все эти океаны закончится, – заговорил Сергей. – И я ступлю на твердую землю неведомого мне и далекого материка. Заменит ли он мне Родину? – он сделал паузу. Продолжил: – Не ведаю. Но одно точно знаю, что буду с теплотой вспоминать своих попутчиков. Всех вас, господа! Ёшки-матрёшки! За величие российского императорского флота!

Присутствующие встали, повторяя:

– За величие российского императорского флота!

Один из офицеров крикнул:

– Сергей Петрович, виват!

Остальные подхватили:

– Виват! Виват! Виват!

Потом гитару взял какой-то мичман и начал весело и бодро петь:

– В дни безграничных увлечений,

В дни необузданных страстей...

Присутствующие подхватили хором:

– Со мною жил превратный гений,

Наперсник юности моей.

Сергей слушал песню молча. На него нахлынули воспоминания: усадьба Казинцевых, университет, полк, Михаил, Гуревич. Как-то тихонько заныла рана от дуэли. Не физически, а, скорее, фантомно.

От мыслей его отвлек Роговский, который просто подсел к нему и заговорил:

– Сергей, я положительно не понимаю вашего желания отправиться на край света, когда с такими талантами и харизмой ваше место в салонах столицы. Сразу видно, что вы человек светский и компанейский.

– Для всего есть причина, Роман Сильвестрович, – проговорил Сергей. – Однако же и вы уходите столь далеко от дома.

– Ну, я-то на службе. Куда царь-батюшка и отчизна отправят, туда и путь лежит.

– Знакомо. Я служил в лейб-гвардии, в Гродненском гусарском полку.

Роговский заулыбался.

– Не под командованием ли Дмитрия Георгиевича? По юности мы были с ним приятели.

Молодой купец по фамилии Кадочников, которого отец снарядил для участия в Русско-Американской кампании, вдруг прервал их разговор неожиданным вопросом:

– А не тот ли вы корнет Лисицин, который ушел со службы из-за дуэли с Гуревичем?

Судя по речи, он был изрядно пьян, и Роман Сильвестрович посмотрел на него суровым взглядом. Однако Кадочников не обратил на это внимания.

– Хм... Не лучший эпизод моей жизни, который я не хочу обсуждать, – сказал Сергей.

– А между прочим, – многозначительным тоном произнес Кадочников, – Гуревич свояк Романа Сильвестровича.

Сергей поднялся. Вся эта пьяная беседа ему была неприятна. Тем более его противник по дуэли, из-за которой сильно изменилась его жизнь, оказался родственником капитана.

– Простите, господа, я, пожалуй, откланяюсь.

Но Кадочников не унимался и продолжал говорить ему вослед:

– А Гуревича отправили служить на Дальний Восток.

В Лазареве вы с ним, возможно, и встретитесь. Верно, Роман Сильвестрович?

Кадочником пьяно хихикнул. Как-то даже злорадно.

– Послушайте... Вы молоды, глупы и слишком пьяны, – тоном, не терпящим возражений, высказал ему Роговский. – Все это не ваше дело. Извините за грубость, конечно. Впрочем, перед кем тут извиняться... Идите уже спать. Завтра вам стыдно будет за свое поведение.

6. Утро на палубе

Из-за того, что с вечера лег рано, Сергей так же рано и проснулся. Спать не хотелось вовсе. Он оделся и поднялся на палубу. «Святой Андрей Первозванный» шел медленно в окутывающем его тумане. Слабые лучи солнца просто увязали в белой пелене. Однако с каждой минутой туман становился все более прозрачным.

Сергей набрал полную грудь влажного, холодного воздуха. Выдыхая, заметил, как легкий пар растворялся в окружающем тумане.

– Доброе утро. Что-то прохладно, – обратился он к Невельскому, стоящему на палубе с подозрительной трубой.

Геннадий Иванович, высокий мужчина тридцати пяти лет, морской офицер, путешественник, посмотрел на Сергея и ответил:

– Доброе. Только туманное.

– Отчего вы вчера вечером с капитаном ругались?

– Ну... Сергей Петрович, мы с ним не ругались, а скорее обсуждали. Просто громко и эмоционально.

Невельской помолчал, взглядываясь в туман.

– Вот понимаете, в чем дело... Обычно суда огибают Сахалин... Подержите, – Невельской протянул Сергею подозрительную трубу.

Сергей взял в руки и тут же глянул в нее с любопытством,

пытаясь рассмотреть что-то в тумане. Невельской достал из-за пазухи карту, свернутую трубочкой, и развернул.

– Взгляните. Что написано перед словом «Сахалин»?

Сергей тут же склонился над картой.

– Полуостров.

Невельской закивал головой.

– И обычно суда огибали полуостров. И через три дня пути от этой точки на карте...

Геннадий Иванович ткнул пальцем в карту. Та тут же свернулась в трубочку обратно. Он опять ее расправил. И продолжил:

– ...Заходили в Лазарев.

Невельской свернул карту и положил ее за пазуху.

– Что вы видите с левого борта?

– Земля. Берег, – не понимая, к чему ведет Геннадий Иванович, ответил Сергей.

– Правильно! – радостно заговорил тот. – Береговая линия. А теперь взгляните в подзорную трубу во-о-он туда, – он рукой указал в противоположную сторону. – С правого борта. Туман рассеивается. И вы должны это увидеть.

Сергей взглянул в подзорную трубу в направлении, которое указал Невельской.

– Камни. Тоже земля! – не высказывая открыто свое удивление, проговорил Сергей, пытаясь рассмотреть подробнее береговую линию.

Геннадий Иванович заулыбался и хлопнул его по плечу.

– Верно! Там Сахалин! И это остров! И мы сейчас идем проливом между материком и Сахалином. А? Каково?

Невельской повернулся в сторону мостика, где стоял Роговский.

– Как видите, Роман Сильвестрович, на камни еще не сели. Зато сэкономим три дня пути.

Тот напряженно вглядывался вдаль. На слова Невельского он не ответил. Только недовольно откашлялся и громко скомандовал:

– Лотовый, доложить глубину!

– Проходим, Роман Сильвестрович, – ответил матрос, который мерил глубину лотом.¹

– Проходим... – недовольно буркнул Роговский. – Ты мне глубину назови. А то посажу на бак!²

– Пять сажений, – резво ответил матрос.

Роман Сильвестрович поднял голову и крикнул матросу на огороженной марсовой площадке на грот-мачте³:

– Смотрящий, в оба глаза смотреть. Докладывать обо всем, что видишь.

– Так точно. Впереди чисто.

– Нам бы на банку⁴ не угодить, – высказал свои опасения

---

¹ Лот – свинцовая гиля, к которой привязывался лить – тонкий канат с флажками, применялся для измерения глубины во флоте. (Прим. автора).

² Посадить на бак – наказать, морской жаргон (прим. автора).

³ Грот-мачта – самая близкая к носу судна мачта (прим. автора).

⁴ Банка – мель среди глубокого места (прим. автора).

Роговский. – Боцман! Поставь еще к бакборту и штирборту⁵ по человеку. Пусть поглядывают. Не помешает.

Тут же раздался хриплый голос боцмана:

– Есть поставить к бакборту и штирборту по человеку!

– О чем только думал? Как я дал себя уговорить на такое? – бурчал капитан.

– Роман Сильвестрович! В историю попадете! – весело крикнул Невельской.

– Именно что в историю как бы не попасть, – серьезно ответил Роговский.

Сергей повернулся к Невельскому.

– Геннадий Иванович, так значит?..

Тот его перебил:

– Это пролив.

– Название уже придумали? – восхищенно проговорил Сергей.

– Полноте, какое название? Еще ничего не ясно, – скромно ответил Невельской. Потом подумал и проговорил: – Решать будет географическое общество.

Сергей стал молча вглядываться в береговую линию. Туман уже практически рассеялся. И солнечный утренний свет доедал остатки белой прозрачной пелены.

Судно шло медленно, на ощупь незнакомым путем. Большинство парусов было спущено. Сергей еще постоял неко-

---

⁵ Бакборт и штирборт – левый и правый борта судна (прим. автора).

торое время на палубе и спустился в свою каюту греться.

7. Поселение Лазарев

Поселение Лазарев – это была та самая точка, от которой экспедиция Невельского отправлялась вглубь территории. Прямо на берегу перед частоколом стояло несколько навьюченных лошадей. Около них сустились казаки, которые должны были отправиться вместе с Геннадием Ивановичем.

«Святой Андрей Первозванный» стоял на рейде. Недалеко от него еще три судна поменьше.

Сергей выпрыгнул из лодки, доставившей его, как только она уткнулась в песчаный берег, и огляделся. Увидел Невельского, который проверял натяг подпруги седла у коня, тут же направился к нему.

– Тимофей, ты оружие проверил? Все взяли? – громко спросил Геннадий Иванович одного из казаков.

– Так точно, ваше высокоблагородие.

– Провизией кто занимался?

– Белякин Харитон. Да вы не волнуйтесь, Геннадий Иванович. Все взяли.

– Ха! Как тут не волноваться-то? – проговорил негромко Невельской, поглаживая шею коня.

– Отправляетесь? – спросил подошедший Лисицин.

– Вот буквально сейчас и выходим.

– Желаю вам удачи.

– Ой, к черту, Сережа, к черту.

Невельской быстрым шагом пошел к открытым воротам поселения.

Сергей двинулся следом.

8. Неприятный разговор

Пройдя ворота, Роговский пошел в сторону административной избы, где намеревался повидаться со своим родственником. Дверь отворилась, и появился Гуревич. Увидев Романа Сильвестровича, он быстро сбежал с крыльца к нему навстречу.

– Ну, здравствуй, свояк! – обрадовался капитан.

– Здравствуй, Роман Сильвестрович.

Гуревич и Роговский обнялись по-родственному.

– Как поживаешь? Как служба?

Гуревич махнул рукой и недовольно сказал:

– Да какая тут жизнь, на краю Земли-то? Все одно что тюрьма или ссылка.

– Ну, полно тебе! – попытался смягчить разговор Роман Сильвестрович. – Прямо уж тюрьма. Звание тебе сохранили. Ты рапорт отправлял?

– Отправлял. Ни ответа, ни привета, – ответил Гуревич и сразу без паузы спросил: – Как Анна?

– Не хотел тебя расстраивать, но и лгать не научен, – очень серьезно заговорил Роговский. – Не особенно-то она и переживает о твоём отсутствии. Меня, как брата ее, это удручает.

Гуревич задумчиво посмотрел вдаль на стоящие на рейде суда. Роман Сильвестрович заметил в его глазах какую-то тоску.

– Слыхал, нескучно тут у тебя? – отвлек от тяжких дум свояка Роговский.

– Намедни отправлял одного из солдатни. Со скуки бабу не поделили. Ладно бы морду друг другу набили и все. Так нет, из ружья шмальнул один в другого. Насмерть.

Роговский перекрестился.

– Успокой его душу. Пьяные были?

– А то ж! – усмехнулся Гуревич. – Отправил его в Охотск. Пусть там разбираются. Их обоих за проделки сюда отправили. На прежнем месте оба дисциплиной не отличались. Как часто бывает, чтобы не на каторгу, так сюда.

Оба помолчали. Гуревич и сам-то попал сюда не по своей воле.

– Ты, кстати, Роман Сильвестрович, слыхал? Пираты у нас объявились. Мелкие суда грабят. Прибрежные поселения, – предупредил бывший полковой адъютант. – Будешь мимо острова Большой Шантар проходить, поглядывай. Есть догадка, что они там прячутся.

– Поглядим. Откуда ж они тут? – поинтересовался капитан.

– Да китайцы. Британцы их прижали, так они сюда кинулись. Ну, там и корейцы, и наши – беглые. Видел на рейде три судна? – Гуревич показал рукой на море.

– Видел.

– Часть охотской флотилии. Хотят побережье патрулировать.

– Сложно их военными судами назвать-то.

– А других нам государь не прислал, – Гуревич развел руки в стороны. – Как говорится, чем богаты... Орудия какие-никакие поставили. Солдат разместим. Против военного корабля не устоят, а против пиратов вполне.

– А чего отряд не отправите остров прочесать?

– Людей мало. Не так давно отправляли. Никого не нашли. Только замаскированное костровище.

– Были, но ушли?

– Получается, что так.

– Могу чем-то помочь?

– Не! Сами справимся.

В воротах показался Невельской и прямо на ходу громко заговорил:

– Простите, Роман Сильвестрович, что прерываю вашу беседу. Казимир Илларионович, дадите мне еще служивых в сопровождение?

– Семерых, как вы просили, не могу, а троих дам, – ответил Гуревич подошедшему путешественнику. – Да и зачем вам лишние едоки в экспедиции?

– Ну, и на том спасибо, – поблагодарил Геннадий Иванович.

Быстрым шагом к ним подошел Сергей.

– За вами не угонишься, – весело проговорил он, обращаясь в Невельскому.

– А! Казимир Илларионович, позвольте вам представить

нашего попутчика и моего приятеля, – показал рукой Геннадий Иванович, – Сергей Петрович Лисицин.

Он с улыбкой начал было:

– Рад знаком... – узнал своего бывшего противника по дуэли и будто поперхнулся, – ...ству.

Улыбка мгновенно исчезла с его лица. И оно стало серым, каменным.

Гуревич посмотрел на Сергея с нескрываемым презрением.

– Да, мы знакомы. Верно, корнет? Или вас можно назвать Сударь Благие Намерения? – отчеканил каждое слово бывший полковой адъютант.

Сергей не ответил, только смотрел с вызовом в глаза своему бывшему полковому адъютанту.

Гуревич, конечно, не самый приятный человек на свете, но в ситуации с Михаилом, участником и пострадавшим в которой был Сергей, он все же защищал свою честь. Однако нерастраченный юношеский максимализм не давал возможности правильно оценить ситуацию. Да и Гуревич был недоволен, что истинный виновник ускользнул от него из-за этого хлыща. А теперь еще вынужден тратить свои годы в этом захолустье. Так они стояли напротив молча, с ненавистью и презрением глядя друг на друга.

Увидев все это, Роговский подхватил Невельского под руку, отвел в сторону и шепнул:

– Геннадий Иванович, надо спасать положение. Они оба

здесь оказались из-за дуэли, на которой стрелялись.

В это момент Гуревич прервал молчание:

– Вижу, вы оправились, сударь?

– Вашими молитвами и велением судьбы, – с сарказмом ответил Сергей.

– Полноте, – в тон ему продолжал нынешний комендант Лазарева. – Я не ваша матушка, чтобы молиться. А если бы даже и молился, то за упокой вашего развратного братца, Сударь Благие Намерения.

– Матушка моя померла давно. Вам не надо поминать ее всуе. А в остальном... Желаете повторить? – с вызовом спросил Сергей.

– Насчет матушки простите. А насчет повторить – не время. Но память у меня долгая, не сомневайтесь, – холодно произнес Гуревич.

Вернувшийся с Роговским Невельской заговорил, будто ничего не произошло:

– Господа... Господа, простите, что прерываю, однако время не ждет.

Далее он обратился непосредственно к Гуревичу:

– Так мы договорились насчет сопровождения?

Роговский подошел к Сергею и нарочито громко заговорил:

– Не откажите в любезности. У меня есть копия португальской лоции акватории Хоккайдо. Не поможете ли разобраться?

Не понимая, зачем капитан обратился к нему, Сергей начал было нерешительно:

– Но...

Роман Сильвестрович его прервал:

– Я настаиваю.

– Хорошо, но я не силен в португальском, а в лондонских разбираюсь не более козы во французском вине.

– Ну вот и славно! – радостно проговорил Роговский и, обняв Сергея за плечи по-отечески, повел его к лодкам.

Как только они вышли за ворота поселения, обнесенного частоколом, Сергей вдруг остановился.

– Пойдите... Гуревич – ваш родственник, насколько я помню? И вы меня увели, чтобы мы не поссорились? – он посмотрел на пожилого капитана.

– Судьба его уже наказала, – со вздохом проговорил тот. – Да и вас тоже, насколько я понимаю. Поэтому, от греха подальше, я попрошу отправиться на судно и не сходить с него до следующего порта.

– Я не ваш подчиненный, – с вызовом проговорил Сергей.

– Это просьба, – мягко настаивал Роман Сильвестрович.

Сергей уже и сам хотел уйти от этого ставшего неприятным ему места. Он повернулся и в сопровождении капитана пошел к берегу.

Гуревич провожал их тяжелым взглядом.

– Ну как? – спросил его Невельской.

Гуревич, не отрывая взгляда от фигуры уходящего Лиси-

цина, произнес:

– Проходите в избу. Сопровождающие там ждут.

– Благодарю, – радостно сказал Геннадий Иванович и буквально взлетел по ступенькам крыльца.

Мимо открытых ворот прошел с виду охотник из местных, однако по раскосым глазам несложно было определить, что это китаец-манчжур. Он повернулся, глянул на коменданта и пошел дальше. Гуревич осторожно посмотрел по сторонам – не видит ли кто, и двинулся следом.

9. Встреча с Гоушеном

Когда он вышел за ворота, китаец уже сидел на большом камне метрах в тридцати от частокола. Он молча, будто статуя, не шевелясь, смотрел на стоящие суда. На коленях у него лежало охотничье ружье.

Гуревич пошел медленно, будто гуляя. Поднял с земли какой-то камешек. Рассмотрел его и откинул в сторону. Потом остановился, достал кисет и трубку. Набил ее табаком, раскурил и не спеша подошел к сидящему на камне китайцу.

– Здравствуй, Гоушен, – глядя на поверхность океана, тихо сказал он.

Охотник, которого Гуревич назвал Гоушеном, слегка повернулся в его сторону и молча кивнул.

– Долю принес? – так же, не повышая голоса, спросил комендант.

Китаец достал из-за пазухи увесистый кошель.

– Клади его на землю возле камня.

Тот так и сделал.

– Судно у берега видишь? Оно ближе всего к нам. Будет проходить мимо, не высовывайтесь. Судно военное. Если что, передавят вас как котят. А через неделю пройдет транспорт с пушниной из Охотска. Команды всего ничего. Вот и будет чем поживиться.

Китаец кивнул.

– Сейчас уходи. Понадобишься – дам знать.

Гоушен поднялся с камня и, не прощаясь, двинулся вдоль берега прочь от поселения.

Гуревич огляделся по сторонам. Потом наклонился, поднял кошель и положил в карман. Постоял еще какое-то время, любуясь природными красотами, повернулся и направился обратно к воротам.

Уже на подходе к избе, где была его штаб-квартира, он заметил матроса с корабля Роговского.

– А ну стой, – окликнул он.

Матрос остановился, но завидев мундир Гуревича, вытянулся в «смирно».

– Слушаю, ваше благородие.

– Ты с «Андрея Первозванного»?

– Так точно. Матрос Колокольцев.

Гуревич махнул рукой в сторону только садящихся в шлюпку капитана и Лисицина.

– Вот того молодого рядом с капитаном знаешь?

Колокольцев стрельнул взглядом в их сторону. И четко ответил:

– Пассажиром у нас.

– Заработать хочешь?

Вопрос был неожиданным, и матрос замешкался с ответом. Глаза его забегали.

– Ну? – поторопил Гуревич.

– Так... Хочу. А как?

– Тот молодой замыслил бунт на корабле. Слышал про восстание на Сенатской в двадцать пятом?

Колокольцев кивнул.

– Этот молодой – Лисицин – скрылся тогда, ушел от наказания.

– Молод он слишком. Я сам тогда мальцом был. А этот куда моложе меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.